

Н.В. Козырева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В РАННЕЙ ИСТОРИИ МЕСОПОТАМИИ

Современные исследования в области поздней доисторической и ранней исторической эпохи Ближнего Востока и, в частности, региона Великой Месопотамии позволяют рассматривать древний мир не как набор отдельных самостоятельных политических или культурных единиц, но как собрание общностей очень тесно связанных и активно контактировавших между собой в сфере экономики, идеологии и во многих других отношениях. В своей статье автор делает попытку реконструировать гипотетическую модель перманентных миграционных процессов, которые имели место в этом регионе в VI–III тыс. до н.э. и их роли в становлении древних цивилизаций¹.

Ключевые слова: Великая Месопотамия, миграции, этнокультурные группы, становление государственности.

Изучение процессов взаимодействия различных культурно-хозяйственных групп на древнем Ближнем Востоке в дописьменный период и влияния этих процессов на возникновение и развитие месопотамской цивилизации, безусловно, заслуживает серьезного и масштабного исследования. Задача настоящей статьи представить современное состояние изучения этой проблемы и ее значение для истории Месопотамии III тыс. до н.э. и, в частности, рассмотреть современные подходы к вопросу о происхождении Аккадской династии.

Козырева Нэлли Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Древнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

¹Определения этноса, как такового, одного и общепринятого в науке нет. Социологи и представители культурной антропологии рассматривают этнические группы как некое количество индивидуумов, которые ощущают себя объединенными общим происхождением, реальным или мифическим. На основании этого общего происхождения и возникших на его основе культурных традиций развиваются определенные идеологические установки, представляющие собой некий «набор» идей и символов, опираясь на который члены данной группы могут рассчитывать на взаимную солидарность (или оппозицию) в отношениях между группами. Этническая группа не обязательно образуется на основе единого для всех списка определенных характеристик, таких, как общий язык, территориальная близость, биологическое происхождение. Одной из немногих обязательных характеристик этнической группы исследователи считают общий характер «поведения» членов каждой отдельной группы. При этом термин «поведение» понимается очень широко. Это и общий менталитет, и общие культурные установки, система религиозных взглядов и даже характер экологической адаптации данной группы. Для обществ ранней древности понятие этническая группа во многом совпадает, вероятно, с понятием культурно-хозяйственная группа (Камп, Yoffee 1980, 88).

В нашем понимании исторического пути, пройденного цивилизацией Древней Месопотамии в течение трех тысяч лет ее существования, есть немало устоявшихся клише и традиционных моделей, возникших многие десятилетия (если не столетия) назад, но настолько общепринятых, что преодолеть их или даже немного откорректировать очень сложно. Это касается как фундаментальных теоретических проблем, от понимания которых зависит общее представление о ходе исторических процессов в древности, так и интерпретации отдельных фактов. Одна из таких устоявшихся моделей – представление о периодически вторгавшихся в Южную Месопотамию «волнах» номадических по своему происхождению групп, вносивших хаос в жизнь оседлого населения и разрушавших устоявшиеся хозяйственные и социальные институты. Считается, что в истории Месопотамии III тыс. до н.э. важную роль сыграли три таких «волны», т.е. появление трех новых этнических групп: аккадцев, кутиев и амореев².

Такое понимание, отразившееся в традиционных общепринятых исторических моделях, было основано прежде всего на самых первоначальных исторических реконструкциях, предпринятых еще в конце XIX – начале XX в., в основу которых был положен анализ письменных источников, находившихся к тому времени в распоряжении исследователей. Благодаря археологическим изысканиям достоянием науки того времени стало большое количество надписей, найденных при раскопках древних городов Северной Месопотамии, прежде всего Ниневии. Историкам стали впервые доступны исторические хроники, литературно-мифологические тексты, царские надписи. Эти тексты послужили богатейшим материалом для исторических реконструкций, в том числе и для реконструкции ранней истории Месопотамии. Новизна и ценность этой информации надолго заслонили от исследователей ее во многом субъективный характер.

Со временем в распоряжении науки появилось множество новых источников, в том числе и синхронных описываемым в них событиям, при этом и отношение к письменным источникам стало более критическим. Стала ясна необходимость учитывать время создания того или иного текста, чтобы соотнести его содержание с историческим контекстом эпохи, понимание того, что история – это процесс, каждый этап которого имеет корни в предшествующем развитии. Модель, рассматривавшая периодические кризисы, случавшиеся в истории месопотамской цивилизации, как результат катастрофических нашествий соседних полукочевых народов, в последние десятилетия постепенно стала уступать место представлению о постоянном передвижении и взаимодействии этносов на территории древнего Ближнего Востока в течение всего периода древней истории как тенденции, сохранившейся с древнейших этапов развития человечества³. Все вышесказанное относится и к пониманию, и оценке такого важнейшего периода ранней истории Месопотамии, как правление Аккадской династии, и прежде всего вопроса о том, кем, собственно, были аккадцы до того, как они стали называться аккадцами, и откуда и когда они пришли в Месопотамию.

Историки обычно считают аккадцев потомками номадов, которые пришли откуда-то с запада и осели на территории Северной Месопотамии в IV тыс. до н.э. или в еще более отдаленный период, постепенно продвигаясь на юг, заселенный к тому

² Козырева 2008, 359 сл.

³ Надо отметить, что еще в 1957 г. Дж. Купер предложил сравнивать продвижение номадических групп на городские территории древнего Ближнего Востока не с волнами-цунами, а с течением реки (Kupper 1957).

времени шумерами. В середине III тыс. до н.э. между отдельными городами-государствами Шумера шла ожесточенная борьба за лидерство, завершившаяся объединением большинства городов Шумера под властью Лугальзагеси, правителя города Уммы. В это время в городе Кише, располагавшемся на севере аллювия, правил царь с шумерским именем Ур-Забаба, при его дворе служил «чашеносец», который позднее стал известен под семитским именем Саргон (*šarġum kēn*, т.е. «царь истинный»). Именно он ок. 2350 г. захватил власть в Кише и основал новую династию. Однако Саргон не остался в Кише, сделав своей столицей ранее малоизвестный город Аккад. Этот топоним дал свое имя и династии Саргона (Аккадская династия), и языку, на котором Саргон говорил (аккадский язык), и стране, в которой он жил (страна Аккад). Это же название стало этнонимом для той группы семитоязычного населения, из которой происходил и сам Саргон, и представителей которой принято считать аккадцами. Полагают, что, разгромив военную коалицию шумерских городов-государств, Саргон объединил под своей властью всю Месопотамию и создал сильное централизованное государство, границы которого охватывали не только всю Южную, но и Северную Месопотамию, а также Сирию и Западный Иран. Пять царей Аккадской династии правили в общей сложности ок. 150 лет.

Исследователи, занимавшиеся изучением этого периода, особо отмечали новизну и первичность происходивших тогда процессов: цари Аккада были первыми, кто объединил Шумер и Аккад в единое государство, первыми, кто направил свою энергию на утверждение централизованной наследственной власти, они первыми смогли осуществлять политический контроль над большей территорией, ранее находившейся в руках отдельных городов-государств. Многие исследователи даже называют государство Саргонидов «первой империей»⁴.

Какие источники легли в основу создания такой модели? Поскольку синхронных источников, особенно в начальный период исследований, было известно не очень много, то ученые в своих работах в значительной степени опирались на изучение более поздних многочисленных и разнообразных источников, описывавших события этого периода⁵. Правление Аккадской династии оставило глубокий след в исторической памяти населения Месопотамии, и история Аккадской династии много раз переписывалась на протяжении последующих столетий, причем не только в Месопотамии. Например, литературный текст «Саргон, царь битвы», вероятно, был записан в XV–XIV вв. до н.э. в Малой Азии, а возможно, и в самой Хаттусе. Именно изучение такого рода источников в значительной степени было положено в основу создания первой модели Аккадского государства. Однако стремление расширить информационную базу исследования за счет использования более поздних источников может привести к непредсказуемым результатам. В большинстве случаев мы не знаем ни точного времени написания такого рода литературных текстов, ни реального исторического контекста, в котором они возникли и который, естественно, придал им совершенно определенную идеологическую окраску.

Если попытаться сформулировать то, что более или менее точно известно об Аккадской династии к настоящему времени, то получается, примерно, следующее: это была династия семитоязычного происхождения, во время ее правления государственная канцелярия на севере аллювия и за его пределами велась на семитском (староаккадском) языке. В состав этого государства входили территории Южной и Центральной Месопотамии, и в течение жизни одного поколения или

⁴ Mieroop 2004; Akkad 1993; Westenholz 1999.

⁵ Westenholz 1997.

немногим более аккадцы предположительно контролировали значительную часть долины Хабур, а также, возможно, Ашшур и Ниневию, но степень этого контроля пока установить невозможно.

«Аккадское присутствие» или «влияние» очень скудно отражено археологическими данными, и если бы не сведения, содержащиеся в саргоновских пропагандистских текстах, трудно было бы представить, что аккадская армия проводила здесь широкомасштабные военные завоевания и длительное время оккупировала эти регионы. Самое большее можно было бы говорить о некотором упадке местных культур в Аккадский период, но даже это утверждение не находит в настоящее время достаточных подтверждений⁶. Вопрос о появлении примерно в это же время новаций в изобразительном искусстве, в частности, в рельефах, скульптуре и глиптике, пока недостаточно изучен, и его трудно напрямую связать именно с Аккадской династией.

Приходится признать, что период правления Аккадской династии, который привлекает внимание множества исследователей (см. библиографию работ по аккадскому периоду в Akkad 1993), будучи одним из самых известных и ярких в истории Месопотамии, в то же время оставался и остается до сих пор во многом малоизученным, сохраняя множество белых пятен. Наши представления о нем часто не имеют под собой прочной аргументации и весьма противоречивы. Пока практически ничего неизвестно о происхождении аккадцев и Аккадского государства. О его устройстве мы можем судить по тому, о чем в своих надписях написал сам Саргон⁷. Неизвестно, и где находилась его столица, город Аккад, хотя о его существовании и о том, что он был населен, упоминается в текстах еще на протяжении двух тысяч лет после падения Аккадской династии⁸. Нет единого мнения и по поводу того, была ли территория, которую включают в состав империи Саргона, под полным контролем Аккадского государства или контролировались только важнейшие торговые пути, по которым передвигались стратегические ресурсы.

Несмотря на такие существенные пробелы в наших знаниях, в последние десятилетия в науке появилось немало интересных исследований, в основе которых лежат как данные недавних археологических работ в районе Хабур Северо-Западной Сирии и Северной Месопотамии⁹, так и новые издания синхронных письменных источников¹⁰. В данной статье автор делает попытку дать описание той гипотетической модели возникновения Аккадского государства, которая постепенно формируется на основе этих исследований.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕСОПОТАМИИ III ТЫС. ДО Н.Э.

Письменность в Месопотамии возникла в конце IV тыс. до н.э. и в течение первых 500 лет своего существования использовалась почти исключительно в хозяйственной и административной сфере. Только в середине III тыс. до н.э. появились первые короткие посвященные надписи, составленные от имени городских правителей Южной Месопотамии¹¹. Самые ранние надписи такого рода известны

⁶Michalowski 1993, 75.

⁷RIME 2.

⁸Weiss 1975.

⁹Мунчаев, Мерперт 1981; Мунчаев, Мерперт, Амиров. 2004; Akkermans, Schwartz 2003; Oates 2007.

¹⁰RIME 2; Westenholz 1997.

¹¹SARI I.

нам главным образом из Лагаша. Они составлены на шумерском языке и очень лаконично сообщают о военной и строительной деятельности городских правителей. Со временем такие надписи стали более информативными, в них появились более развернутые упоминания о некоторых исторических событиях. К концу Раннединастического периода (3000–2350 гг. до н.э.) встречаются, правда, в очень незначительном количестве и надписи правителей других городов Южной Месопотамии. С этого же времени в надписях появляются упоминания о конфликтах с соседями с востока, севера и северо-запада, что дает нам некоторые косвенные свидетельства о политических процессах, происходивших в это время на соседних с Месопотамией территориях.

После воцарения Аккадской династии царские надписи становятся гораздо более пространными и информативными, но их содержание во многом определяется тем, что они составлены от лица только одной династии, которая была центральной и наиболее сильной, династии Аккада, и соответственно отражали точку зрения на происходившие события исключительно представителей этой династии.

Очень важным синхронным источником для этого периода являются датировочные формулы. Если в период РД датировки практически не дают сколько-нибудь развернутой информации, кроме упоминания имен правителей или чиновников, то с аккадского времени в датировочных формулах появляются краткие сообщения о важнейших событиях предшествующего года¹².

Определенное значение для изучения процессов этнокультурного взаимодействия в Месопотамии середины III тыс. до н.э. имеют тексты административного и юридического характера. В частности, изучение языка и имен собственных административно-хозяйственных документов Раннединастического и Аккадского периодов многое дает для понимания этно-лингвистической ситуации, складывавшейся в это время в Месопотамии¹³.

Именно надписи городских правителей и царей Месопотамии, живших в III тыс. до н.э., и свидетельства шумерского Царского списка, составленного, вероятно, в самом конце III тыс. до н.э., являются нашими основными источниками при реконструкции событий, происходивших в Южной Месопотамии в этот период. Однако источники эти, безусловно, очень неполны и в значительной степени субъективны. Большинство текстов такого рода было создано, вероятно, в дворцовых или храмово-дворцовых школах и канцеляриях, т.е. в интеллектуальной среде, тесно связанной с властью, и их составители сознательно или бессознательно увязывали содержание своих творений с интересами и потребностями своих заказчиков.

Царские надписи содержат определенным образом идеологически интерпретированные сведения о деяниях правителей и царей, в том числе о нападениях врагов на города, и о военных походах. Большой интерес представляют упоминаемые в этих текстах топонимы, названия чужеземных городов, земель и племен, с которыми вступали в военные конфликты правители южномесопотамских городов

¹² К сожалению, от аккадского времени нет общих списков датировок, в которых они были бы размещены в соответствующей последовательности. Такие списки сохранились от более поздних периодов. Они позволяют, хотя бы приблизительно, установить порядок событий, происходивших в период царствования. Для Саргонидов это практически невозможно. Есть некоторая хронологическая зацепка только для правления Нарам-Сина, связанная с появлением после его обожествления детерминатива божества в написании его имени, но и она недостаточно надежна.

¹³ Biggs 1967; Foster 1982.

и аккадские цари. Однако свидетельства, описывающих соседние народы с точки зрения их культуры или обычаев, в этих текстах практически нет.

В то же время такого рода данные в довольно значительном количестве встречаются в письменных источниках другого жанра. Это литературно-мифологические тексты, отражающие ту картину мира, которая постепенно сформировалась в образованной дворцово-храмовой среде к последней четверти III тыс. до н.э. Фрагменты шумерских текстов (мифов, плачей по городам, писем-молитв, обращенных к богам), в которых упоминаются чужеземцы, были собраны Дж. Купером¹⁴. В соответствии с этой картиной мира Южная Месопотамия представляла собой высоко развитый центр, окруженный зоной, заселенной людьми, которые описываются крайне негативно. Эти «другие» люди могли быть как чужеземными завоевателями (кутии, а затем амореи), вторгшимися на территорию Месопотамии, так и населением тех стран, куда ходили походами месопотамские правители¹⁵.

Возможно, сравнение эпитетов, которые употребляли составители этих текстов для описания чужеземцев и выделение среди постоянно используемых клише, применявшихся только для описания какого-либо одного этноса, дало бы нам некоторое представление об отличительных особенностях того или иного народа, но материала для таких сравнений слишком мало. Чужестранцы описывались в шумерской литературе не с «этнографической» точки зрения, а с помощью набора метафор, которые, по мнению древних писцов, одинаково подходили для описания самых разных народов¹⁶. Опираясь на письменный материал такого рода, почти невозможно представить культурный мир чужеземцев, сталкивающихся с культурой Месопотамии, и поэтому сложно говорить о том, каким было их культурное влияние и как оно отразилось на этой цивилизации¹⁷.

Вопрос о происхождении семитоязычной части населения Месопотамии, прежде всего аккадцев, долгое время рассматривался в исторической науке в тесной связи с твердо укоренившимися представлениями о кочевом происхождении различных групп семитских народов, однако уже довольно давно это утверждение

¹⁴Cooper 1983.

¹⁵Существовал целый набор клише для описаний такого рода. Это были люди, разрушающие (города). Они не знали домов и городов. Они не почитали должным образом богов. Они не были знакомы с сельским хозяйством, приготовлением еды и ферментированных напитков, поведением за столом. У них был интеллект собак и внешность обезьян. Их языки представляли собой неясное бормотание (бал-бал-бал). В такого рода описаниях соседние с Месопотамией народы (кутии, амореи, народ симашки и даже эламцы) часто предстают как некие неполноценные создания, незнакомые с традициями и законами цивилизованного общества (Cooper 1983, 30–33).

¹⁶Michalowski 1986, 130.

¹⁷Вопрос о том, насколько можно доверять содержанию официальных надписей и литературно-мифологических текстов и можно ли безоговорочно использовать их в качестве исторических источников, – это отдельная большая проблема, которая стоит не только перед ассириологами. Если не впадать в крайности, т.е. в полное отрицание или полное принятие историчности таких источников, то наиболее приемлемой представляется точка зрения, принятая, в частности, многими библеистами: событие, упомянутое в тексте, можно считать действительно происходившим, если оно подтверждается либо археологическими данными, либо синхронными письменными источниками с других территорий (Miegeop 2004, 210). Это, конечно, не панацея, но во многих случаях единственная возможность подтвердить достоверность (или недостоверность) того или иного исторического факта, о котором сообщают письменные источники.

стало подвергаться аргументированной критике¹⁸. Никаких прямых сведений об аккадцах, касающихся их появления и укоренения в Месопотамии до того времени, как они стали собственно аккадцами, т.е. до возникновения Аккадского государства в XXIV в. до н.э., письменные источники не содержат. Тексты, сообщающие о событиях, происходивших в период, который в исторической науке называется периодом ранней древности (III – начало II тыс. до н.э.), содержат сведения о двух чужеземных вторжениях на территорию Южной Месопотамии: кутиев и амореев.

Надо отметить, что ни в каких шумерских текстах, в том числе и тех, что сохранили исторические предания о Раннединастическом периоде (3000–2350 гг. до н.э.), нет никаких упоминаний о миграции аккадцев в Месопотамию, возможно потому, что эти миграции происходили еще в дописьменный период. Нет в них и никаких следов этнического или языкового противостояния между шумерами и аккадцами.

Из Южной Месопотамии III тыс. до н.э. до нас дошло значительное количество самых разнообразных по характеру памятников материальной культуры. Это архитектурные памятники, статуи, рельефы, глиптика. Однако изобразительный материал, который можно отнести именно к Аккадскому периоду, достаточно скуден. При этом надо учитывать, что данные археологии во многих случаях очень ограничены и носят косвенный характер. Это касается, в частности, и проблемы этнокультурных взаимодействий. Предположительно приход нового населения способен оказать сильное влияние на политические институты общества, его религиозные и культурные традиции. Однако установить, как этот процесс мог отразиться в памятниках материальной культуры, удастся далеко не всегда. В принципе изменение стиля в искусстве, характера вооружения, появление новых видов украшений и предметов домашней утвари могло быть и результатом опосредованного культурного влияния, а не только изменений в составе населения. Исследование такого рода изменений и новаций на археологическом материале Месопотамии III тыс. до н.э. упирается в почти полное отсутствие сравнительного материала, поскольку пока нет практически никаких свидетельств об искусстве аккадцев, кутиев или амореев до времени их появления в Месопотамии.

В последние десятилетия проводились активные археологические исследования и тех территорий, которые, судя по надписям Саргонидов, находились под их контролем. Однако археологических данных, подтверждающих присутствие собственно аккадцев за пределами Месопотамии, очень мало, и их толкование разными исследователями зачастую весьма противоречиво. Отсутствует единая общепринятая археологическая терминология даже в описании керамики того периода, нет и единой четкой хронологии археологических культур¹⁹.

Тем не менее анализ данных археологии в сочетании с критически оцененными данными письменных источников позволил исследователям по-новому взглянуть на исторические процессы, происходившие на Ближнем Востоке в период ранней древности, в частности, и на вопросы характера и масштабов этнических взаимодействий и их влияния на развитие цивилизации в Месопотамии, включая формирование Аккадского государства.

Особенно важными для изучения этих проблем стали появившиеся в последние несколько десятилетий новые археологические свидетельства из Сирии, Северной Месопотамии и Ирана, позволившие выработать более сбалансированную точку

¹⁸ Weeks 1985.

¹⁹ Michalowski 1993.

зрения на историю Южной Месопотамии периода ранней древности и проблему происхождения Аккадской династии. Новая модель ставит Аккадское государство в конец длительного процесса предшествующего развития Великой Месопотамии (т.е. всей территории междуречья Тигра и Евфрата от истоков этих рек до их устья), и прежде всего Сирии и Северной Месопотамии.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕЛИКОЙ МЕСОПОТАМИИ ДО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР

История Великой Месопотамии (т.е. всей территории междуречья Тигра и Евфрата от истоков этих рек до их устья) дописьменного периода предстает перед нами как смена археологических культур²⁰, и именно археология является главным источником сведений о протоисторических (= дописьменных) этнических группах, населявших эту территорию.

В начале VII тыс. до н.э. небольшие общины, занимающиеся земледелием и скотоводством, обитали в Северной Месопотамии в зоне достаточного естественного орошения между Балихом и Тигром, в некоторых районах Загроса (Джармо, Гани Дарех) и в степи (Тель-Магзалия). Эти территории не только предоставляли прекрасные условия для земледелия и разведения скота, но и давали возможности контролировать пути обмена, проходившие по территории Плодородного полумесяца.

В течение VI тыс. до н.э. в различных частях Северной Месопотамии возникли три неолитические культуры, которые частично сосуществовали друг с другом хронологически и территориально, воспроизводя, возможно, зональные специализации в различных частях Северной Месопотамии: Хассуна, Самарра и Халаф. Самая ранняя из них Хассуна возникла на северо-востоке Месопотамии. Проблема происхождения этой культуры остается спорной. Возможно, ее формирование явилось результатом культурного взаимодействия между различными группами населения, постепенно переходившего к земледельческо-скотоводческой экономике²¹.

Самое большое количество поселений хассунской культуры было, вероятно, сконцентрировано на севере равнины Джезира в непосредственной близости от важных дорог, которые пересекали ее с востока на запад и соединяли северо-запад Ближнего Востока с юго-востоком²². Именно таким в этот период было направление главных путей обмена материалами и продуктами, которые проходили через Северную Месопотамию, но пока, видимо, никак не затрагивали Южную Месопотамию.

²⁰ Термин «археологическая культура» в общепринятом значении этого понятия обозначает определенный набор археологических памятников, являющийся результатом деятельности группы людей, существовавших в рамках определенной территории в определенный период времени и объединенных общими культурными характеристиками, отражение которых сохранилось для нас в разнообразных типах керамики, домостроения, практике добывания ресурсов и т.п. Несмотря на продолжающиеся дискуссии вокруг соотношения понятий археологическая культура и этническая общность, большинство исследователей не видит оснований сомневаться в том, что в первом приближении археологическая культура действительно отражает существование определенных культурно-хозяйственных и социальную общностей, обладавших некоторым уровнем этнического самосознания (см. прим. 1).

²¹ Массон 1989, 74.

²² Maisels 1993, 113.

тамию. По этим дорогам уже в 6000–5500 гг. до н.э. из Ирана, Анатолии, Аравии, Средиземноморья провозили дерево, обсидиановые орудия и ножи, мрамор, бирюзу, медь и другие материалы.

Примерно через 500 лет после того, как жители долины Джебзира начали изготавливать керамику хассунского типа, в том же регионе появился новый вид керамики, который исследователи называют халафским и который позднее распространился далеко за пределами Северной Месопотамии. Первые несколько веков после его появления во многих поселениях одновременно изготавливались и использовались керамические изделия обоих видов, хассунского и халафского. Однако со временем хассунская керамика вышла из употребления, в то время как халафская продолжала существовать²³.

Раскрашенная керамика и зооморфные сосуды, которые изготавливали в период Халафа в поселениях Северной Месопотамии, были обнаружены археологами на огромной территории от озера Ван до Средиземноморья и от Северного Ирана до Закавказья, но не были найдены в Южной Месопотамии, вероятно, потому, что, как уже было сказано выше, главные торговые пути того времени, проходившие по территории Ближнего Востока, описывали дугу с юго-востока (будущей территории Элама), вдоль Тигра (и по Тигру) и далее по Северной Месопотамии и Сирии шли на запад в Анатолию. Южная Месопотамия оставалась пока внутри этой дуги, на периферии обменных путей.

Если распространение халафской культуры и соответственно населения, которое эту культуру сформировало и развивало, было направлено главным образом на запад от Хассуны, то другая группа населения, также сохранявшая определенные связи с Хассуной, постепенно двигалась на юг. Этот процесс был связан с возникновением новой археологической культуры, культуры Самарра. Носители этой культуры со временем заняли территорию, которая простиралась далеко на юг за пределы Хассуны, вплоть до среднего Тигра, и к востоку от него в предгорья Загроса.

Что представляли собой эти общества, каков был характер организации населения, обитавшего на территориях, которые мы рассматриваем как территории археологических культур Хассуны, Халафа и Самарры, мы можем только предполагать. По-видимому, в этих обществах, разительно отличавшихся от маломасштабных неолитических культур докерамического неолита по площади занимаемых ими территорий и продолжительности существования, постепенно вырабатывались не только новые технологии, но и новые варианты организации общественной жизни.

Важную роль в развитии общественных процессов в этот период, безусловно, играли постоянные контакты и взаимодействия между представителями разных культурно-хозяйственных групп. По торговым (обменным) путям, соединявшим между собой самые отдаленные точки территории Ближнего Востока, перевозили, конечно, не только различные материалы, керамику и другие ремесленные изделия. По этим же путям, по-видимому, распространялись и новые идеи, и технологии.

Об этническом составе населения севера и северо-запада в VI–V тыс. до н.э. говорить достаточно сложно из-за отсутствия данных. На уровне предположений все еще остается и вопрос о том, на каких языках в это время говорили жители тех или иных регионов Великой Месопотамии. Долгое время в науке активно разрабатыва-

²³ Akkermans, Schwartz 2003, 136 ff.

лась гипотеза, выдвинутая Б. Ландсбергером²⁴, на основании которой исследователи реконструировали для этой территории две группы языков: прототигридские и протоевфратские и даже находили связи этих гипотетических языков с определенными археологическими культурами. Существование этих языков выводили прежде всего на основании присутствия в Южной Месопотамии топонимов, которые не были ни шумерскими, ни семитскими, а также на основании изучения некоторых «нешумерских» элементов в шумерской лексике. Однако значительная часть аргументов в пользу этой гипотезы сейчас отвергнута большинством исследователей, и от попытки реконструировать дописьменные языки Месопотамии и связать их с определенными археологическими культурами пока, как будто, отказались²⁵.

Заселение территории Центральной Месопотамии

Заселение началось, вероятно, еще в период докерамического неолита, и ко времени распространения самаррской культуры эта территория, по-видимому, уже довольно давно была обитаемой. Уже в VII тыс. существовали, вероятно, контакты между Центральной Месопотамией и Загросом, откуда в долину на восточную окраину Месопотамской низменности приходили, основывая здесь поселения, группы пастухов-охотников, знакомых также с зачатками земледелия²⁶.

Из районов к западу от долины Евфрата и со стороны горных массивов, таких, как Джебель-Бишри, в Центральную Месопотамию в VII тыс. также приходили группы, которые оседали на северном аллювии и смешивались с другим населением этого региона²⁷. Возможно, это было самое раннее семитоязычное население Месопотамии, которое постепенно заняло широкую полосу в центре Месопотамии, простиравшуюся с северо-запада на юго-восток от центрального Евфрата до Тигра и граничившую с севером аллювия. Как раз по этой территории проходила часть древнего торгового (обменного) пути, соединявшего северо-запад Ближнего Востока с юго-востоком.

Заселение аллювия

Вопреки устоявшемуся представлению об исключительно неблагоприятных экологических условиях и скудости материальных ресурсов на юге Месопотамии в глубокой древности, препятствовавших ее заселению и освоению, данные археологии позволяют утверждать, что процесс заселения самого юга Месопотамии также начался очень рано²⁸.

²⁴ Landsberger 1974.

²⁵ Michalowski 2005.

²⁶ Массон 1989, 70.

²⁷ Zarins 1990.

²⁸ Миф о том, что Южная Месопотамия была бедна природными ресурсами и там не было ничего кроме тростника и глины, возник среди исследователей XIX в. и до сих пор принимается на веру. В действительности, жителям Южной Месопотамии были доступны самые разнообразные ресурсы. Аллювиальная почва была исключительно плодородна и при правильном орошении обеспечивала большие урожаи. Степь прекрасно подходила для выпаса овец и коз и была местом обитания многочисленных диких животных. Много животных обитало в обширных болотах, там же в огромном количестве водилась птица, рыба, черепахи. Кроме того, болота обеспечивали население огромным количеством тростника, который использовался очень широко (строительство зданий, производство мебели, циновок, контейнеров, топливо, корм для животных). Ошибочным является и утверждение

Уже примерно к 6200 г. на самом юге аллювия существовали небольшие, но вполне процветающие земледельческие поселения, жители которых владели самыми простыми ирригационными технологиями, что позволяло им получать очень высокие для того времени урожаи зерновых²⁹. Между собой жители этих поселений, вероятно, поддерживали связи по воде. Эта часть раннего населения аллювия, возможно, представляла собой южную ветвь представителей самаррской культуры, или же они были как-то связаны с этой группой, населявшей Центральную Месопотамию. Именно самаррцы первыми начали использовать простейшие ирригационные технологии в земледелии (следы использования таких технологий найдены при раскопках в Телль ас-Савван, Чога-Мами), а эти знания и умения были особенно важны для жителей самого юга Месопотамии. Возможно, население Центральной Месопотамии, постепенно смещаясь на юг, принесло сюда технологию ирригации вместе с керамической и домостроительной традицией.

Однако и эти земледельцы были не единственными и, возможно, не самыми первыми обитателями аллювия. Есть археологические следы проникновения сюда групп охотников-собирателей из Северной Аравии, есть линии, связывающие юг аллювия с востоком, севером и северо-востоком³⁰. Уже в самый ранний период освоения аллювия на этой территории могли одновременно обитать представители разных по происхождению групп, говоривших, возможно, на разных языках и использовавших различные стратегии выживания: охоту, рыболовство, собирательство, некоторые группы добавляли к этому и земледелие.

Таким образом, самое раннее население Центральной и Южной Месопотамии, вероятно, представляло собой некий конгломерат из тех групп, которые постепенно в течение многих сотен лет продвигались сюда с севера, востока, запада и юго-запада. Уже с конца VII тыс. до н.э., т.е. задолго до формирования здесь убейдской культуры, которую большинство исследователей связывает с шумерами, эти территории были, вероятно, заселены разнообразными по языку и культуре группами населения, использовавшими различные способы добывания материальных ресурсов и активно обменивавшимися между собой излишками добываемых продуктов³¹.

В конце VI тыс. до н.э. на территории Южной Месопотамии сформировалась новая археологическая культура, получившая название убейдской. Возникновение

о том, что в Южной Месопотамии вообще не было древесины. Разнообразные деревья росли в лесах, вокруг полей, в садах. Камень также добывали на месте: известняк в пустыне к юго-западу от аллювия, гипс – на территории Персидского залива. Месторождения кварца, кремния и битума также были сравнительно недалеко. И, конечно, здесь было много высококачественной глины.

Из этого перечня видно, что Южная Месопотамия была вполне самодостаточна, используя собственные природные ресурсы. Материалы для изготовления утвари и орудий труда, строительства домов были доступны на месте, хотя не всегда они были хорошего качества. Импортировать приходилось только высококачественные и драгоценные материалы (полудрагоценные камни, агат и диорит, металлы и твердое дерево). Однако общество вполне могло существовать и без этих материалов, и бывали такие периоды в истории, когда поступление этих материалов в Южную Месопотамию была ограничено или даже полностью отсутствовало. Таким образом, контакты с периферией для получения этих материалов не было безусловной необходимостью (Mieroop 2002, 126).

²⁹ Huot 1992; Zarins 1990.

³⁰ Potts 1997, 43–55.

³¹ Oates 1982.

и распространение этого культурного комплекса в значительной степени было, вероятно, результатом местного развития, хотя определенную роль в этом процессе мог, возможно, сыграть и постоянный непрерывный приток сюда новых групп населения со своей культурой и своим языком³². К концу V тыс. до н.э. поселения убейдской культуры занимали весь юг аллювия и постепенно распространялись на север и северо-запад. Особенно заметным стал рост поселений на территории аллювия в IV тыс. до н.э., когда на смену убейдской культуре пришла культура Урук, которая в значительной степени, явилась, по-видимому, продолжением и развитием предшествовавшей убейдской культуры³³. К концу IV тыс. до н.э. юг аллювия населяло по разным подсчетам от 100 до 250 тысяч жителей, и значительная часть их жила уже в городах с населением в 10–20 тысяч человек.

Это население Южной Месопотамии, которое большинство исследователей уверенно называет шумерами, было, скорее всего, потомками тех, кто жил здесь и в V тыс., учитывая, конечно, и постоянный приток мигрантов. Другими словами, шумерское население Южной Месопотамии IV тыс. до н.э. было, по-видимому, потомками населения убейдского периода, сложившегося из множества разнообразных групп, заселявших Южную Месопотамию в течение VII–VI тыс. до н.э., одной из которых были самаррцы.

Миграции с аллювия

Не только население соседних с Южной Месопотамией территорий на протяжении многих столетий непрерывно мигрировало в район аллювия, движение шло и в противоположную сторону. Если в VI тыс. до н.э. наиболее заметным направлением миграции населения по территории Великой Месопотамии, отраженным в масштабном распространении археологических культур, было направление с северо-востока Месопотамии на запад (Халаф) и на юг (Самарра), то уже в V тыс. до н.э. наиболее заметно проявляется движение с юга.

С начала V тыс. до н.э., т.е. через несколько столетий после своего формирования на юге аллювия, убейдский культурный комплекс начинает распространяться за пределы Южной Месопотамии. Предметы материальной культуры и сооружения в убейдском стиле археологи находят на обширной территории от Юго-Западного Ирана и западного берега Персидского залива до Ливана и Юго-Восточной Анатолии и Сирии. Распространение в IV тыс. до н.э. урукского археологического комплекса шло примерно на тех же территориях Ближнего Востока, но в еще более широких масштабах³⁴. Что на практике мог представлять собой этот процесс, отражающийся для нас в археологических материалах? Совершенно очевидно, что

³² История Древнего Востока 1983, 87.

³³ Как важную особенность развития материальной культуры Северной Месопотамии исследователи отмечают «явление аккультурации или непрерывности развития материальной культуры данного региона. В хронологическом интервале VI–III тыс. до н.э. смена археологических культур в регионе носила не дискретный, а непрерывный характер. В интересующее нас время мы наблюдаем на ряде памятников в непрерывной последовательности эволюционный процесс редуцирования черт и признаков убейдской культуры, накопление признаков урукской культуры Северной Месопотамии, которая, в свою очередь, плавно трансформируется в материальную культуру Раннединастического периода» (Мунчаев, Мерперт, Амиров 2004, 207).

³⁴ Это явление, получившее название урукской экспансии подробно разобрано в двух монографиях Ж. Альгазе (Algaze 1993, 2008).

передвижение на сотни и тысячи километров различного рода материалов, продуктов обмена, распространение новых технологий, идей и информации – все это сопровождало постоянные миграции населения³⁵.

С начала V тыс. до н.э. отдельные группы из числа населения аллювия периодически мигрировали на север и северо-запад. В северной части аллювия, в Центральной Месопотамии и далее к северу и западу вдоль берегов Тигра, Хабура и Балиха, вплоть до Анатолии, в это время появляются новые поселения с характерными чертами убейдской культуры, основанные, вероятно, мигрантами. Во многих местных поселениях на этих территориях также, по-видимому, появились убейдские переселенцы. Они жили в таких старых местных селениях, как Дегирмен-тепе (в верховьях Евфрата), Машнака (Сирийская степь на границе Южной и Северной Месопотамии), в некоторых поселениях Хабура, возможно, они присутствовали в Браке³⁶.

Этот процесс продолжался и в IV тыс. до н.э., когда жителями Южной Месопотамии была создана целая сеть поселений, в том числе в Хузестане, в долине Суз, в Верхней Месопотамии, Северной Сирии и некоторых частях Анатолии. Некоторые из этих поселений были основаны выходцами из Южной Месопотамии еще в V тыс. до н.э., другие были основаны позднее. Распределение по территории Великой Месопотамии урукских поселений, так же, как и убейдских, шло непрерывной цепью вдоль трех рек, Тигра, Хабура и Балиха. Во многих случаях так же как и в предшествующий период, небольшие группы южномесопотамского населения селились и мирно жили рядом с местными жителями (Хасинеби, Брак, Ниневия, Каркемиш)³⁷. Особенно увеличился поток переселенцев из Южной Месопотамии во второй половине IV тыс. до н.э. В это время на севере и северо-западе Великой Месопотамии появляются даже новые города, основанные южномесопотамскими мигрантами, число которых в период 3500–3200 гг. могло составлять до 20 тысяч человек и даже больше³⁸.

Взаимные контакты, взаимодействия и взаимовлияния, имевшие место в ходе таких миграций, играли, по-видимому, исключительно важную роль в дописьменной (догосударственной) истории Ближнего Востока. Они, безусловно, оказывали сильное влияние и на языковую ситуацию в регионе, судить о характере которой до появления письменности мы можем только предположительно. В IV–III тыс.

³⁵ Akkermans, Schwartz 2003, 197.

³⁶ Akkermans, Achwartz 2003, 168.

³⁷ Algaze 1993, 57.

³⁸ Целый ряд свидетельств того, что население аллювия, распространившееся в IV тыс. до н.э. далеко за пределы Южной Месопотамии, было шумерским, приводит П. Штайнкеллер. Он обращает внимание на некоторые топонимы в Центральной Месопотамии в районе р. Диялы, образованные по типу шумерских или даже повторяющие шумерские. Еще одно гипотетическое предположение исследователя, которое, как будто, подтверждает шумерское присутствие в Северной Сирии и Верхней Месопотамии состоит в следующем. Топоним Šubir или Šubar, который представляет собой шумерское название Верхней Месопотамии, по мнению исследователя, идентичен со словом Šumer или Šumar, семитским обозначением населения Южной Месопотамии. Это совпадение, как считает П. Штайнкеллер, было, вероятно, результатом ранних контактов семитов и шумеров в Верхней Месопотамии. В ходе этих контактов обозначение Šubir или Šubar, изначально принятое семитами для шумеров, живших в Верхней Месопотамии, т.е. в Šubir, было перенесено ими позднее для обозначения населения Южной Месопотамии, т.е. собственно Шумера (Steinkeller 1993, 112 n. 8).

до н.э. значительная часть населения Сирии и Северной Месопотамии говорила, видимо, на различных семитских диалектах, в то время как население южномесопотамского аллювия, по-видимому, говорило на шумерском языке. Скорее всего, шумерский не был, как считалось долгое время, языком чужеземцев, которые появились в Южной Месопотамии в V или IV тыс. до н.э., а был одним из тех языков (и, возможно, самым распространенным), на которых говорила значительная часть населения аллювия еще в очень ранний период. Есть предположения, что этот язык был реликтом большой языковой группы, занимавшей значительную часть территории Великой Месопотамии задолго до распространения там семитских языков³⁹.

В VI–IV тыс. до н.э. люди могли относительно свободно передвигаться по территории Великой Месопотамии в поисках лучших условий жизни, поскольку такие перемещения или миграции совершались в относительно неплотной демографической среде, сквозь которую можно было «просочиться» без особых последствий. Эти миграции, происходившие очень постепенно в течение многих столетий, по большей части были, по-видимому, вполне мирными, как и в предшествующий период. Нет, или почти нет, свидетельств конфликтов между пришлыми группами и местным населением⁴⁰.

Такого рода миграции можно, вероятно, рассматривать как продолжение процессов свободного (неадминистративного) распространения и перераспределения населения и излишков материального производства по всему региону Ближнего Востока, которые активно проходили здесь еще со времени докерамического неолита. Эти процессы имели, вероятно, и определенное социальное значение, снимая возможное социальное напряжение, способствуя сохранению определенной степени социального равенства и равного доступа всех групп населения к материальным ресурсам⁴¹.

Постоянные свободные миграции по территории Великой Месопотамии, которые имели место в VI–IV тыс. до н.э., по-видимому, стали значительно сокращаться в конце IV тыс. до н.э., когда здесь начался процесс формирования политических структур. Тем не менее как мы видим на примере истории Месопотамии всех последующих периодов, естественные миграции здесь никогда полностью не прекращались, их масштабы могли сильно сократиться, вытесняемые административно-организованной миграцией, но в периоды ослабления администрации масштабы естественной миграции вновь расширялись.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР НА ТЕРРИТОРИИ ВЕЛИКОЙ МЕСОПОТАМИИ В КОНЦЕ IV – СЕРЕДИНЕ III ТЫС. ДО Н.Э.

Общины, существовавшие на территории Великой Месопотамии в VI–V тыс. до н.э. (периода Халафа, Самарры, Убейда и в Южной Месопотамии, и в Сирии, и в Северной Месопотамии) были, по-видимому, в значительной мере эгалитарными. Не было центральных властей, лидерство было временным и находилось, вероятно, в руках старейшин, как и в предшествующий неолитический период. Социальная дифференциация была мало развита. Об этом свидетельствует отсутствие статусных маркеров в погребениях, а в поселениях дорогих или престижных предметов, небольшая площадь и небольшое количество жителей в них. Данные

³⁹ Michalowski 2005.

⁴⁰ Lamberg-Karlovsky 1996, 91.

⁴¹ Козырева 2010, 47.

археологии говорят об отсутствии или малочисленности свидетельств социальных различий в архитектуре. Хозяйственная и экономическая деятельность жителей внутри и вне поселений велась в устоявшихся, достаточно узких рамках даже в тех из них, которые имели, вероятно, значение региональных центров. Об этом свидетельствует, в частности, малочисленность следов административного контроля в форме печатей⁴².

Те социальные различия, которые, по-видимому, все-таки существовали в VI–V тыс. до н.э., относились, скорее всего, не к отдельной личности внутри общины, а к отдельным человеческим сообществам, которые могли занимать разное положение по отношению друг к другу. Более удачливые общины со временем могли стать локальными центрами, притягивая к себе целый ряд более мелких и менее успешных поселений.

Эта ситуация начинает постепенно меняться с первых веков IV тыс. до н.э., когда на территории Великой Месопотамии начинается процесс формирования политических структур, который в конце IV – начале III тыс. до н.э. привел к образованию здесь государственности. Очевидно, не случайно начало этого процесса совпадает с появлением первых свидетельств языковой, культурной и этнической идентификации населения этого региона.

По мнению выдающегося ассириолога И. Гельба, в это время (т.е. в IV–III тыс. до н.э.) территория Великой Месопотамии была в основном заселена двумя «культурно объединенными» группами, которые исследователь предложил называть «этническими группами». Одна из них заселяла территорию Сирии и Северной Месопотамии (далее – Север), а другая – территорию Южной Месопотамии (далее – Юг). Население каждого из этих двух регионов представляло собой некое культурное единство, «в широком смысле семитская культурная территория в противоположность в данном случае шумерской культурной территории»⁴³.

В исследовании, посвященном истории Месопотамии до Саргона, ученик И. Гельба П. Штайнкеллер высказал мнение, что развитие Месопотамии в IV–III тыс. до н.э. определялось процессом взаимодействия двух различных традиций: южной (шумерской) и северной (сирийской и северомесопотамской). Именно П. Штайнкеллер первым подробно описал социальные и политические различия между двумя обществами (шумерским и аккадским), сосуществовавшими в III тыс. до н.э. в Южной Месопотамии⁴⁴. О том, что развитие Севера и Юга шло разными путями, неоднократно упоминают в своих публикациях и другие авторитетные исследователи⁴⁵.

Развитие государственности, которое на этих двух территориях, занятых носителями различных культурных традиций, шло разными путями, привело к формированию здесь к началу III тыс. до н.э. двух разных вариантов политических структур⁴⁶.

Развитие Юга

В Южной Месопотамии политические структуры предположительно стали формироваться в середине IV тыс. до н.э. на основе территориальных общин, существовавших здесь задолго до этого. Уникальная экология долины Тигра и Евфрата в

⁴² Akkermans, Schwartz 2003, 168 ff.

⁴³ Gelb 1981, 1992.

⁴⁴ Steinkeller 1993.

⁴⁵ Nissen 1993; Renger 1995; Westenholz 1993; Zarins 1990.

⁴⁶ Козырева 2004, 36–39.

Южной Месопотамии не только способствовала очень высокой продуктивности ирригационного земледелия, но и предоставляла помимо земледелия самые разнообразные ресурсы для существования, способствуя специализации отдельных общин. Это создавало возможность поддерживать очень высокую плотность населения на относительно небольшой территории и аккумулировать в общинах свободные ресурсы. По-видимому, уже в V тыс. до н.э., т.е. в период Убейда, если не раньше, на территории аллювия сложилась своеобразная система взаимодействия между соседними сообществами. Удобные водные пути, соединявшие все поселения между собой, позволяли легко транспортировать грузы и активно развивать обмен и перераспределение излишков между отдельными поселениями⁴⁷. Чрезвычайно высокая концентрация населения на территории аллювия и постоянные активные контакты между отдельными сообществами, вероятно, способствовали появлению здесь специальных управляющих структур, регулирующих эти контакты, и тем самым, вероятно, стимулировали раннее развитие городов.

Города Южной Месопотамии возникли из общин-поселений, оформившихся вокруг храмов, последние были не столько культовыми институтами, сколько административными и хозяйственными центрами местного самоуправления. Шумерский город, сосредоточенный вокруг храмового комплекса, рассматривался его жителями как Дом главного городского бога и его божественного семейства, а все население города составляло персонал Дома. Земледелие, скотоводство, а также ремесленное производство велись в рамках городских храмовых общин коллективно. Производимые продукты централизованно собирались, хранились и затем различными способами распределялись между членами этих хозяйств или обменивались в соседних общинах на другие необходимые продукты и материалы.

Экономику такого типа, следуя теории К. Поляни, можно назвать по преимуществу распределительной. Общество, таким образом организованное и структурированное, не нуждалось в наличии или развитии индивидуального производства, будь то сельское хозяйство или ремесло, и оставляло мало возможностей для возникновения и существования такого рода производства. Соответственно и индивидуальное владение землей являлось фактором чуждым данной системе и в плане социально-экономическом, и в плане идеологическом⁴⁸.

Общество в значительной степени сохраняло эгалитарный характер, хотя к концу IV тыс. до н.э., по-видимому, началось активное формирование городской элиты. Все горожане, объединенные вокруг того или иного храмового хозяйства, независимо от пола, возраста и объема выполняемых работ могли рассчитывать на материальное содержание от своего храма. Это содержание по своему количеству и качеству, безусловно, зависело от положения того или иного лица в должностной иерархии, но не могло быть ниже необходимого прожиточного минимума. Стратификация населения была основана скорее на ресурсах, связанных с занимаемой должностью, чем на происхождении. Семья в обществе такого рода, где заботы о всех членах хозяйства независимо от пола и возраста несла некая административная структура, не играла роли экономического института; дети были связаны прежде всего с матерью.

Важную роль в создании властных структур играл, по-видимому, один из фундаментальных принципов шумерской цивилизации – принцип очередности

⁴⁷ Algaze 2008, 2.

⁴⁸ Steinkeller 1993, 122.

(шум. *bala*). Все горожане, вероятно, делились на несколько равноправных групп, представители которых поочередно занимали главные должности в иерархической структуре. Можно предположить, что членство в группе было связано с принадлежностью к персоналу определенного божества (т.е. к определенному храмовому хозяйству). Каждая такая группа могла, вероятно, объединять в себе представителей всех ступеней городской иерархии, от низших до высших. Глава города был земным представителем божества в его земном Доме и избирался на эту должность из числа горожан как бы самим божеством на определенный срок, после окончания которого наступала, во всяком случае теоретически, очередь другого избранника, вероятно, представителя другой общественной группы.

Границы каждого города (т.е. границы владений городского бога) считались установленными и санкционированными богами, и поэтому любая попытка территориальной экспансии была, по существу, нарушением божественной воли и вследствие этого была достаточно затруднительна. В рамках такой идеологии немыслимой была бы идея унификации, создания единого территориального государства с централизованным управлением⁴⁹.

Принцип очередности (*bala*) действовал, по-видимому, на всех уровнях и во всех хозяйственных сферах общества, в том числе и в отношениях между городами Южной Месопотамии. Характерной чертой политического развития этой территории в IV тыс. до н.э. было то, что города аллювия (как ранее общины, из которых они выросли) были связаны между собой не только единством религии и культуры, составляя единое культурное пространство, но и тесными хозяйственными связями, образуя, по-видимому, и некое общее экономическое пространство. Есть косвенные свидетельства того, что между городами продолжала сохраняться определенная специализация производства и традиции обмена излишками продуктов, возникшие еще в предшествующий период в связи с разнообразными экологическими условиями в различных частях аллювия. Эти свидетельства дают основания выдвинуть некоторые предположения относительно государственно-политического устройства территории аллювия во второй половине IV тыс. до н.э.⁵⁰

Уже во второй половине IV тыс. до н.э. (в так называемый период Uruk III) все или большая часть шумерских городов, располагавшихся как в южной, так и в северной части аллювия были объединены в некую единую коалицию, члены ко-

⁴⁹ Steinkeller 1993, 116 ff.

⁵⁰ Эта гипотеза основана на данных архаических печатей и некоторых архаических документов. Одним из свидетельств в ее пользу считаются так называемые «городские печати», на которых были изображены вместе символы разных городов Южной Месопотамии. Это печати из Джемдет-Наср и Телль-Укайр конца IV тыс. до н.э., а также из Урука начала III тыс. до н.э. До нас дошли не сами печати, а их оттиски на кусках глины. Скорее всего, эти печати использовались для опечатывания запасов товаров/продуктов, созданных для каких-то общих целей из поставок городов, чьи названия фигурируют на печатях. Для решения общих вопросов, связанных, скорее всего, с перераспределением продуктов и необходимостью координации между местными ирригационными системами в это время существовала, вероятно, некая административная структура (Nissen 1988, 142). Дополнительные свидетельства в пользу существования такой коалиции сохранила табличка из Урука: список женщин-рабынь, которые были переданы в храм Инанны в Уруке от имени разных городов. В перечне этих городов упоминаются те же названия, что и на печатях. Хотя это свидетельство говорит только о ритуальных обязательствах членов коалиции, это не исключает того, что эти обязательства включали в себя также экономические, политические и, может быть, военные аспекты (Steinkeller 2002).

торой имели, скорее всего, определенные обязательства друг перед другом. Центром этого объединения был, по-видимому, город Урук. Это видно и из сравнения размеров данного города с другими городами, и из того факта, что именно здесь впервые появляются письменные документы, писцовые школы. При этом роль координатора структуры должна была, возможно, переходить по очереди от города к городу. Эта система была, вероятно, предшественницей системы налоговых сборов и распределения (*bala*), которая позднее составляла экономическую основу хозяйственной жизни государства III династии Ура, объединившего Южную Месопотамию в самом конце III тыс. до н.э.

В начале III тыс. до н.э. вся территория Южной Месопотамии состояла из 20–30 крупных территориальных структур, примерно одинаковых по площади, которые в современной отечественной науке обычно называются городами-государствами или номами⁵¹. Однако на городских печатях этого периода упоминаются города только юга аллювия. Сокращение территории, которую занимала коалиция шумерских городов, было связано, вероятно, с тем, что в это время на севере аллювия усилились позиции семитского населения. Именно к этому времени относится возвышение города Киша и его региона (см. ниже).

Единая в культурно-идеологическом, социальном и хозяйственном плане система шумерских городов просуществовала то в виде некой конфедерации, то в сильно централизованном виде до конца III тыс. до н.э., когда было окончательно разрушено последнее объединение шумерских городов – государство III династии Ура. Однако внутренняя структура шумерской системы, по-видимому, стала постепенно размываться и терять целостность еще с начала III тыс. до н.э.⁵²

Развитие Севера

В это же время, т.е. в IV – начале III тыс. до н.э., на севере и северо-западе Великой Месопотамии также происходил процесс урбанизации и формирования политических структур, но здесь он шел, вероятно, несколько по-другому, чем на Юге.

Долгое время города Южной Месопотамии Ур и Урук рассматривались в науке как центр происхождения цивилизации и урбанизма. Считалось, что в конце IV – начале III тыс. до н.э. произошел «взрыв» городского развития в Южной Месопотамии и именно там появились самые ранние в истории города. Однако новые находки археологов показали, что модель с центром на Юге и периферией на Севере должна быть пересмотрена, «самые ранние в мире города» были и в Сирии, и в Северной Месопотамии.

Данные последних раскопок свидетельствуют, что Север был на пути к урбанизму уже в конце V тыс. до н.э. Целый ряд поселений Северной Месопотамии,

⁵¹ История Древнего Востока 1983, 139 сл.

⁵² Существование этой системы, по-видимому, нашло свое отражение в шумерском Царском списке, составленном в самом конце III тыс. до н.э., когда в общественном сознании кардинальным образом сместились политические и идеологические акценты. Составитель Царского списка описывает историю предшествующего тысячелетия как историю группы городов, объединенных в некое вольное или невольное содружество, внутри которого управление группой периодически переходит от города к городу. В терминологии конца III тыс. до н.э. такой институт управления называется царственностью (*шум. nam.lugal*), хотя в описываемый нами период, т.е. в конце IV – начале III тыс. до н.э., вопрос о царственности и царской власти для Южной Месопотамии, скорее всего, еще не стоял.

Сирии и Юго-Восточной Турции, таких, как Телль-Брак, Хамукар, Тепе-Гавра, Арслан-тепе, в конце V – начале IV тыс. до н.э. постепенно превращались в крупные центры с монументальными зданиями, ремесленными мастерскими и большим количеством предметов роскоши, т.е. со всеми теми характеристиками, которые определяют самые ранние древневосточные города.

Масштабы отдельных поселений, располагавшихся в разных частях Севера в течение первой половины IV тыс. до н.э., практически сравнимы с масштабами современных им поселений Южной Месопотамии. Это особенно очевидно на примере городища Телль-Брак, возникшего на пересечении древних путей обмена, шедших с востока на запад и с севера на юг. Отсюда товары могли переправлять на юг по воде через Хабур и Евфрат и по суше на ослах. Скорее всего, именно благоприятное местоположение позволило этому городу в период 3800–3400 гг. до н.э. вырасти до размеров 56 га, а вместе с прилегающими поселениями достигнуть 130 га, а его население, вероятно, превышало 15 000 человек⁵³. Последние раскопки показали, что в Телль-Браке уже в это время были масштабные общественные здания, и, что весьма существенно для понимания социальной структуры этого города, городская элита имела доступ к дорогим привозным материалам⁵⁴.

Помимо Телль-Брака на территории Севера в первой половине IV тыс. до н.э. уже существовали и другие крупные центры, такие, как Ниневия (40 га), Хава (30 га), Самсат и Хамукар (более 15 га) и ряд других.

Будучи сопоставимы по площади, города Севера и Юга, однако, во многом отличались друг от друга. На Севере городов было значительно меньше, чем на Юге, и зачастую они располагались на значительном расстоянии друг от друга. Самые крупные города Севера были центрами территорий, включавших в себя и округу центрального города с сельскими поселениями, которые здесь, в отличие от Юга, также были значительно удалены и друг от друга, и от города. Это было, вероятно, следствием не только других масштабов территории Севера, но и совершенно других условий земледелия на естественно орошаемых полях Севера по сравнению с ирригационным земледелием Юга.

Основной хозяйственной единицей Севера было индивидуальное хозяйство отдельной семьи, входившее составной частью в хозяйство родовой общины. На Севере, где важную роль играл частный сектор, очень рано, по-видимому, возникли такие институты, как частная собственность на землю, долговое рабство и клиента⁵⁵. Патриархальная семья и принцип наследования (имущества, социального статуса и т.п.) являлись определяющими элементами экономической структуры. Принадлежность к тому или иному роду, семье лежала и в основе сильной социальной стратификации, существовавшей в обществе.

Политические институты Севера, вероятно, очень рано приняли централизованную форму. Правящую верхушку составляла родовая аристократия во главе с царем, власть которого переходила по наследству. Именно эта группа, местом пребывания которой были крупные города, контролировала большую часть материальных и людских ресурсов. Главным собственником земли был царь и члены его рода, а также представители родовой аристократии. Большую часть эконо-

⁵³ Akkermans, Schwartz 2003, 188.

⁵⁴ Oates 2007.

⁵⁵ Шумерские слова «раб» и «клиент» – оба, вероятно, заимствования из аккадского. Очевидное объяснение этому: сходные институты изначально отсутствовали в раннем обществе Юга, но в какой-то момент под влиянием северных соседей были заимствованы и сами эти институты, и термины для их обозначения (Edzard 1957).

мической сферы составляли царское хозяйство и крупные частные хозяйства родовой знати. Храмовые хозяйства не играли значительной роли в экономике. Важнейшую роль в развитии городов и раннем формировании городской элиты на Севере играло их активное участие в посреднической торговле на дальние расстояния⁵⁶.

Север никогда не создал ничего похожего на систему независимых городов, существовавшую на Юге. В первой половине III тыс. до н.э. политические структуры Севера, по-видимому, продолжали развиваться в направлении формирования таких систем, которые в нашем понимании ближе всего соотносятся с представлением о территориальном государстве под наследственной властью сильного светского царя, опиравшегося на городскую олигархию⁵⁷. В таком направлении развивалась, вероятно, и Западная Сирия, и Северная Месопотамия.

К середине III тыс. до н.э. целый ряд городов в Северной Месопотамии и Сирии переживал период расцвета: на севере – Ашшур, Телль-Тайа (севернее Ашшура); в долине Хабур – Телль-Лейлан, Телль-Куера, Нагар, Шехна и Уркеш; Эбла к юго-западу от Алеппо; Мари, Туттуль, Эмар и Кархемиш вдоль Евфрата. Территория некоторых из этих городов достигала площади 100 га и более, превосходя в этом отношении многие современные им города Южной Месопотамии. Все эти города были вовлечены в международную торговлю, и именно эта деятельность, по-видимому, была важнейшей основой их процветания.

Города поддерживали тесные контакты между собой, посылая друг к другу своих представителей, обмениваясь дарами и заключая дипломатические браки между царскими семьями. Соперничество городов в борьбе за контроль над торговыми путями нередко приводило и к военным конфликтам, и к созданию военных альянсов⁵⁸.

Контакты Севера и Юга в первой половине III тыс. до н.э.

Тем «котлом, в котором варились религиозные, культурные, художественные традиции, поднимавшиеся на север из Шумера и опускавшиеся на юг из Сирии и Северной Месопотамии», была территория Центральной Месопотамии и севера аллювия. Политическое развитие этих территорий, по-видимому, в значительной степени повторяло те процессы, что шли на Севере. Потомки семитоязычного населения, некогда заселившего район Диялы и север аллювия, уже к началу III тыс. до н.э. сформировали здесь социо-политическую систему такого же типа, что и те, которые возникали в это время на Севере, и значительно отличавшуюся от той, которая была на Юге⁵⁹.

⁵⁶ При раскопках царского дворца в Эбле были найдены куски лазурита весом до 22 кг, привезенные из Бадахшана на востоке Афганистана, т.е. за 3000 км от Эблы, наверное, с востока через Мари. Возможно, именно через Эблу при посредничестве Библа лазурит поступал в Египет. В Эбле найдены фрагменты египетских алебастровых и диоритовых сосудов, один кусок с надписью Пепи I (Akkermans, Schwartz 2003, 240).

⁵⁷ Mieroop 2002, 136.

⁵⁸ Судя по текстам из Эблы, Эбла и Мари в течение длительного времени боролись за контроль над водными путями вдоль Евфрата. На пике своего могущества Эбла контролировала торговые пути всего района от долины Амук на западе до Евфрата на востоке и Хама на юге, а Мари выплачивал Эбле большую ежегодную дань в серебре и золоте (Akkermans, Schwartz 2003, 239).

⁵⁹ Stainkeller 1993.

В течение большей части III тыс. до н.э. до воцарения Аккадской династии (2350 г. до н.э.) территория Центральной Месопотамии и северная часть аллювия (район Диялы, некоторые транстигридские территории и, наверное, район среднего Евфрата вплоть до Мари), возможно, представляли собой единую политическую структуру. Ее расцвет некоторые исследователи связывают с I династией Киша, упоминаемой в шумерском Царском списке в качестве первой послепотопной династии⁶⁰. Именно Киш был, вероятно, тем центром, через который в этот период проходили все торговые связи между Югом и Севером⁶¹.

Население этих регионов, сохраняя непосредственные тесные связи с родственным по культуре и языку населением севера и северо-запада, одновременно находилось в теснейших контактах и со своими южными соседями. Миграции, контакты, взаимовлияния, по-видимому, происходили постоянно и в обоих направлениях. Возможно, уже в первой половине III тыс. до н.э. семитоязычное население северной части Южной Месопотамии говорило на двух языках: шумерском и каком-то варианте раннесемитского. Это подтверждается изучением имен собственных, имен богов и топонимов. В этом отношении характерны имена правителей I династии Киша, перечисленные в шумерском Царском списке. Из 23 упомянутых в этом списке имен по крайней мере 13 – явно семитские. Возможно, самые ранние правители Киша, которые носили значимые имена (Скорпион, Рыба, Собака) могли быть отражением самого раннего семитоязычного стратума местного населения, относящегося еще к VI тыс. до н.э.⁶² Семитские имена также появляются в текстах этого же времени из Шуруппака, Адаба и Ура. Одна из цариц (шум. nin) Ура, похороненная в царских гробницах, носила семитское имя Пуаби⁶³.

Большая часть писцов, которые в XXVI в. до н.э. составляли документы в Абу-Салабихе, городе, располагавшемся на границе северной и южной части аллювия, тоже носила семитские имена. В административных документах, составленных ими, попадаются отдельные семитские слова и числительные⁶⁴. Некоторые из текстов трудно понять, поскольку неясно, на каком языке, шумерском или семитском, они написаны. По-видимому, в это время, по крайней мере в северной части аллювия, семитоязычное население было уже полностью интегрировано в шумерские городские структуры и занимало в них достаточно высокое положение.

В это же время, вероятно, шумерская система письменности начала использоваться и для записи текстов на родном языке семитоязычной части населения аллювия. Этому способствовал сам характер шумерского письма, идеографические знаки которого могли быть прочитаны как по-шумерски, так и по-семитски. Быстрое распространение на территории Севера шумерского варианта письменности для записи текстов на местных семитских диалектах является, безусловно,

⁶⁰ Gelb 1981, 1992.

⁶¹ Киш часто упоминается в текстах из Эблы как торговый партнер, также в них упоминается, хотя и реже, Акшак, располагавшийся, как и Киш, на севере аллювия. Из городов южной части аллювия в Эбле упоминается только Адаб. В надписях правителей шумерских городов часто упоминаются привозные материалы, использовавшиеся для украшения храмов: золото, серебро, лапис-лазурь, драгоценные породы деревьев и даже говорится об установлении постоянных жертвоприношений из драгоценных металлов и лапис-лазури (SARI I, 60, 64, 65).

⁶² Gelb 1981, 54–55, 67.

⁶³ Zettler 1998.

⁶⁴ Biggs 1967.

одним из важнейших свидетельств тесных контактов между Севером и Югом в середине III тыс. до н.э.⁶⁵

О теснейших культурных контактах и взаимовлиянии свидетельствуют и памятники искусства того времени с Севера и Юга. К сожалению, эта проблема пока почти не изучена, и далеко не все памятники, найденные археологами, опубликованы. Тем не менее и тот материал, которым мы располагаем, производит сильное впечатление. Бросается в глаза удивительное сходство изображений с мифологическими сценами из Эблы и гробниц Ура (в том числе изображение львиноголового орла, терзающего двух быков с человеческими головами, статуэтка из стеатита и золотой фольги быка с человеческой головой), а также явные стилистические параллели между мозаиками из Ура, Киша, Мари и Эблы, представляющими военные сцены⁶⁶, причем вооружение и обмундирование воинов во всех сценах практически одинаковое. О многом говорит и характер изображений. Одна из самых распространенных сцен – это сцена расправы воинов с пленными и пира царя-победителя. Стилистические параллели прослеживаются и между скульптурой из Ашшура и Южной Месопотамии⁶⁷. Целый набор прекрасно изготовленных драгоценных предметов, часть которых, несомненно, происходит из Южной Месопотамии, найдены в кувшине в Мари. Это фигурки из камня и золота, бусы из лазурита (на одной из бусин было вырезано имя Месанепады, царя Ура). Как эти предметы попали в Мари, можно только предполагать. Возможно, это был дар, возможно, результат обмена. В любом случае это свидетельствует о тесных контактах, которые поддерживали между собой ранние городские общества Южной Месопотамии, Северной Месопотамии и Сирии.

Военные контакты Севера и Юга

Судя по надписям раннединастических правителей городов Южной Месопотамии, соседи с севера, северо-запада и востока в середине III тыс. до н.э. неоднократно приходили на юг аллювия как завоеватели. При этом они, вероятно, выступали не по одиночке, а в составе военных союзов, с силами которых приходилось бороться, в частности, лагашитам. В составленной ок. 2425 г. до н.э. надписи правитель Лагаша Эанатум хвалится тем, что он разгромил Элам, Сузы и Мишиму в Иране, Мари на среднем Евфрате и Субарту⁶⁸, победил Киш и Акшак⁶⁹. Однако, судя по заключительной части этой же надписи, Лагаш скорее победоносно отра-

⁶⁵ Около 230 письменных документов были найдены в городище Телль-Бейдар. Ориентировочно они датируются 2400 г. до н.э. Большинство из них были обнаружены в частных домах, несколько – в районе дворца или в административных зданиях. Шумерская система письма использовалась в Телль-Бейдаре для передачи местного варианта семитского языка. Как и в других современных ему городах Сирии (Мари и Эбле) письмо здесь использовалось в административных целях. Таблички из Телль-Бейдара содержат записи о передаче продуктов, выдаче рациона работникам, подсчеты скота. Найден также один литературный текст, записанный по-шумерски.

⁶⁶ Cohen 2005, 143.

⁶⁷ Micropo 2004, 41.

⁶⁸ Субарту, располагавшийся, вероятно, на территории, где позднее возникло Ассирийское государство, или чуть западнее, судя по надписям Эанатума, в XXV в. до н.э. был, по-видимому, сильной централизованной политической структурой, способной отправлять свои войска на очень дальние расстояния (SARI I, 111).

⁶⁹ SARI I, 107 ff.

жал все нападения внешних врагов и оттеснял агрессоров на их территории, нежели пытался захватить чужие земли⁷⁰. Киш и Акшак явно выступали в этом конфликте так же как и в конфликте с Уруком (см. ниже), как единая сила, их названия в этом тексте взаимозаменяемы. Именно Киш и Акшак чаще всего упоминаются в качестве военных противников в надписях правителей Лагаша, Ура и Урука.

Города Южной Месопотамии не только защищались, но и сами периодически нападали на своих северных соседей. Правитель Урука Эншакушана (ок. 2400 г. до н.э.) сообщает в своей надписи, что он разгромил Киш и пленил Энби-иштару, царя Киша. Эта победа сопровождалась разрушением побежденных городов, т.е. Акшака и Киша, и грабежом их сокровищ (драгоценные металлы, лапис-лазурь, дорогую древесину он посвятил в храм Энлиля в Ниппуре)⁷¹. Возможно, именно эта победа позволила Эншакушане принять титул «царь Страны» (*lugal.kalam*)⁷². Это была первая известная нам попытка политического объединения Южной Месопотамии или претензия на такое объединение. Таким образом, уже в середине III тыс. до н.э. неоднократно возникали военные конфликты между территориальными царствами Севера и городами-государствами Юга.

Политическая ситуация в XXIV в. до н.э.

Непосредственный ход событий, приведших к формированию Аккадской династии, можно восстановить только предположительно, основываясь на редких свидетельствах раннединастических надписей и синхронных надписях Саргона.

Пример сильных централизованных структур Севера и постоянная военная угроза, исходившая от них, которая, по-видимому, стала особенно явной в XXIV в. до н.э., подталкивала южные города к необходимости военного и политического объединения. Начиная примерно с 2500 г. на территории аллювия образовались, вероятно, несколько крупных городских союзов: на юге аллювия это были Урук–Ларса–Бад-тибира, Ур (Ур периодически терял свою самостоятельность и входил в группу Урука) и Умма–Забалам, на юго-востоке Лагаш–Гирсу–Нина и, возможно, Адаб.

Чаще всего в надписях раннединастических правителей упоминаются военные конфликты с располагавшимися на севере аллювия городами Киш и Акшак, которые соперничали и между собой и с южными городами в борьбе за лидерство в регионе⁷³. В XXIV в. до н.э. к этим двум соперничавшим северным центрам, вероятно, присоединился еще один, Аккад⁷⁴. К этому времени Аккад, вероятно,

⁷⁰ Канал Антасура, возле которого войско Эанатума победило войска Киша, Акшака и Мари, часто упоминается в надписях из Лагаша. Он располагался на территории нома Лагаш, граничившей с Уммой. На территории Лагаша находился, по-видимому, и канал Сухур, где лагашиты нанесли поражение войскам Элама, Субарту и Уруа (Michalowski 1986, 136).

⁷¹ SARI I, 105.

⁷² SARI I, 105.

⁷³ SARI I, 107, 109.

⁷⁴ Местоположение города Аккада до сих пор точно неизвестно. Высказывались предположения, что родиной аккадцев была территория к северу от собственно аллювия, ограниченная Тигром, Верхним Забом, горами и районом Диялы, т.е. как раз тот регион, куда в течение нескольких предшествующих тысячелетий с запада мигрировали отдельные, предположительно, семитоязычные группы. Возможно, город располагался возле впадения Диялы в Тигр (Weiss 1975, 442 ff).

был уже достаточно древним городом. Эншакушана, который был лугалем Урука, примерно за поколение до Саргона, датировал один год своего правления по разграблению Аккада, которое произошло, вероятно, во время похода против Киша. По-видимому, уже в это время город был достаточно важным центром, раз его упомянули в датировочной формуле⁷⁵.

Регион, центром которого в XXIV в. до н.э. был город Аккад, по-видимому, был достаточно плотно заселен. Жители Аккада и его окрестностей говорили на своем диалекте семитского языка, который использовался самим Саргоном и который при возвышении его династии стал официальным государственным языком. Этот диалект, по-видимому, отличался от досаргоновского аккадского, на котором говорили на севере аллювия⁷⁶, так же, как и от аккадского языка времени III династии Ура, который, вероятно, был архаическим вариантом старовавилонского⁷⁷.

Раннее Аккадское государство, возможно, было сначала небольшой группой городов, располагавшихся на востоке Кишитского государства и находившихся в зоне влияния Киша. В правление Саргона эта коалиция городов отделилась от Киша и возвысилась до гегемонии не только над Кишем, но и над всем севером аллювия. Саргон перед войной с Лугальзагеси, судя по всему, полностью владел северной частью аллювия, где его воспринимали как своего царя. Нет никаких намеков на завоевательные действия Саргона в этом регионе, кроме упоминания о его восстании против царя Киша Ур-Забабы, нет сведений и о мятежах против него в этом регионе⁷⁸.

Возможно, именно появление нового сильного государства на Севере, подчинившего себе даже мощный Киш, явилось стимулом для более тесного объединения южных городов. В значительной степени это объединение могло быть результатом дипломатических усилий и договоров между городами, и Лугальзагеси, правитель города Уммы, был коронован в Ниппуре как «царь Страны» с согласия большинства южных городов, кроме коалиции Лагаша⁷⁹. Это событие отражено в знаменитой надписи на вазах из Ниппура, составленной от имени самого Лугальзагеси⁸⁰. В ней он предстает как назначенный богами присоединенных городов для управления ими, посаженный на трон Энлилем для управления страной. В надписи описывается благополучие и процветание страны при Лугальзагеси, но ничего не

⁷⁵ Westenholz 1999, 31.

⁷⁶ Gelb 1981, 68 ff.

⁷⁷ «Согласно доминировавшей до недавнего времени точке зрения, единый староаккадский диалект являлся общим языком-предком, который в начале II тыс. распался на вавилонский и ассирийский диалекты. Эта точка зрения оспаривается рядом видных ассириологов (О. Вестенхольцем, В. Зоммерфельдом). Как показал Зоммерфельд, некоторые из специфических черт саргоновского диалекта свойственны позднему вавилонскому, а некоторые другие – ассирийскому». Аккадский язык саргоновской эпохи рассматривается им «как особый племенной диалект основателя династии, его потомков и ближайших подвижников (многие из которых были высокопоставленными писцами, т.е. фактически авторами дошедших до нас документов). Этот диалект не был тождествен разговорному аккадскому языку, распространенному в ту эпоху на большей части Месопотамии, и вышел из употребления сразу после гибели Аккадской династии» (Коган, Лезов 2009, 116).

⁷⁸ Westenholz 1999, 36.

⁷⁹ Powell 1996, 313.

⁸⁰ SARI I, 94–95. Сохранилось более ста фрагментов различных по форме и емкости каменных сосудов, на которых была вырезана эта надпись. Возможно, эти сосуды были пожертвованы в храмы Ниппура правителями разных городов по случаю провозглашения Лугальзагеси «царем страны» (Ниппуре, Westenholz 1987–1990, 155–157).

говорится о его военных походах и завоеваниях. Заявление о том, что Энлиль, царь всех стран, подчинил Лугальзагеси все страны «от востока до запада» и привел для него в порядок пути «от Нижнего моря (вдоль) Тигра и Евфрата до Верхнего моря», рассматривается исследователями скорее как гипербола.

Несмотря на такие благостные описания всеобщего мира и процветания, установившихся в Шумере при Лугальзагеси, против городов, которые не желали входить в коалицию, принимались самые суровые меры. Страшные разрушения, которые были нанесены Лагашу в ходе военных действий, описываются в надписи Уруинимгины⁸¹. Было разрушено, ограблено и предано огню множество лагашских храмов, уничтожены посеы зерновых на полях. За эти преступления против бога Нингирсу, главного бога лагашского пантеона, Лугальзагеси, по словам Уруинимгины, должен был быть наказан своей богиней Нисабой. Есть даже предположение, что Уруинимгина пытался противостоять угрозе со стороны Лугальзагеси, заключив союз с Саргоном из Аккада, и тем самым, по существу, открыв аккадцам дорогу на юг⁸². По другому предположению, Ур-Забаба, царь Киша, обратился за помощью к Лугальзагеси, и тот, надеясь ослабить растущее влияние Саргона, пришел на помощь Кишу, но потерпел поражение от аккадцев. Преследуя разбитое войско Лугальзагеси, Саргон вторгся на юг, и здесь состоялись еще три битвы, в которых Лугальзагеси и его союзники, 50 правителей южных городов, потерпели сокрушительное поражение. Сам Лугальзагеси в ходе этих сражений был взят в плен и проведен в шейных колодках в ворота Энлиля в Ниппуре в знак того, вероятно, что Энлиль, давший ему царственность забирает ее от него и передает Саргону.

Позднее Саргон в своих надписях будет указывать на то, что завоевывал южные города, спасая свою территорию от посягательств правителей последних. Насколько справедливым было утверждение великого царя, и каким образом реализовывалась на практике попытка интеграции в рамках единого централизованного государства двух различных политических и хозяйственных систем (задача достойная скорее империи), это уже тема другого исследования.

Последние исследования в области поздней доисторической и ранней исторической эпохи Ближнего Востока и, в частности, региона Великой Месопотамии позволяют рассматривать древний мир не как набор отдельных самостоятельных политических или культурных единиц, но как собрание общностей, очень тесно связанных между собой в сфере экономики, идеологии и во многих других отношениях⁸³. В этой связи, каким бы новаторским ни представлялось государство Саргона, не следует упускать из виду, что и возникновение этого государства и все его достижения были естественным результатом длительного предшествующего развития и взаимодействия множества различных культурно-хозяйственных этнических групп на территории Великой Месопотамии.

Литература

История Древнего Востока 1983: История Древнего Востока. Ч. 1. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / И.М. Дьяконов (ред.). М.

Коган Л.Е., Лезов С.В. 2009: Аккадский язык // Языки мира. Аккадский язык. Северозападно-семитские языки. М., 113–178.

⁸¹ SARI I, 78–79.

⁸² Powell 1996.

⁸³ Akkermans, Schwartz 2003, 209–210.

Козырева Н.В. 2004: Шумер и Аккад – две модели архаических цивилизаций // *Ассириология и египтология*. СПб., 11–48.

Козырева Н.В. 2008: *Историография истории Древней Месопотамии (до I тыс. н.э.)*. *Историография истории Древнего Востока*. Т. 1. М.

Козырева Н.В. 2010: Перемещения населения в процессе заселения территории Великой Месопотамии в VI–IV тыс. до н.э. // *Восток, Европа, Америка в древности*. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. М., 37–48.

Массон В.М. 1989: *Первые цивилизации*. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. 1981: *Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования советской экспедиции в Ираке*. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. 2004: *Телль Хазна 1. Культново-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии*. М.

Akkad 1993: *Akkad: The First World Empire*. / M. Liverani (ed.). Padova.

Akkermans P.M.M., Schwartz G.M. 2003: *The Archaeology of Syria: From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies (c. 16,000–300 BC)*. Cambridge UK.

Algaze G. 1993: *The Uruk World System. The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization*. Chicago.

Algaze G. 2008: *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization. The Evolution of the Urban Landscape*. Chicago.

Biggs R.D. 1967: *Semitic Names in the Fara Period* // *Orientalia*. NS. 36. Roma, 55–66.

Cohen A.C. 2005: *Death Rituals, Ideology, and the Development of Early Mesopotamian Kingship*. Leiden–Boston.

Cooper J.S. 1983: *The Curse of Agade*. Baltimore.

Edzard D.O. 1957: *Die 'Zweite Zwischenzeit' Babylonien*. Wiesbaden.

Foster B. 1982: *Ethnicity and Onomastics in Sargonic Mesopotamia* // *Orientalia*. NS. 51, 297–354.

Gelb I.J. 1981: *Ebla and the Kish Civilization* // *La Lingua di Ebla / L. Cagni* (ed.). Naples, 9–73.

Gelb I.J. 1992: *Mari and the Kish Civilization* // *Man in Retrospect / G.D.Young* (ed.). Winona Lake, 121–202.

Hout J.L. 1992: *The First Farmers at Queili* // *The Biblical Archaeologist*. 55. 4. Boston, 188–195.

Kamp K.A., Yoffee N. 1980: *Ethnicity in Ancient Western Asia during the Early Second Millennium B.C.: Archaeological Assessments and Ethnoarchaeological Perspectives* // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 237. New Haven, 85–104.

Kupper J.R. 1957: *Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari*. P.

Lamberg-Karlovsky C.C. 1996: *The Archaeological Evidence for International Commerce: Public and/or Private Enterprise in Mesopotamia* // *Privatisation in the Ancient Near East and Classical World / M. Hudson, B. Levine* (eds.). Harvard USA, 73–108.

Landsberger B. 1974: *Three Essays on the Sumerians* // *Monographs on the Ancient Near East*. 1.2. Los Angeles.

Maisels Ch.K. 1993: *The Emergence of Civilization*. L.

Michalowski P. 1986: *Mental Maps and Ideology: Reflections on Subartu* // *The Origins of Cities in the Dry-farming Syria and Mesopotamia / H. Weiss* (ed.). Guilford, Connecticut, 129–156.

Michalowski P. 1993: *Memory and Deed: Historiography of the Political Expansion of the Akkad State* // *Akkad...*, 69–90.

Michalowski P. 2005: *The Life and Death of the Sumerian Language in Comparative Perspective* // *Acta Sumerologica*. 22. Hiroshima, Japan, 177–202.

Mieroop Marc Van de 1995: *The City in Ancient Mesopotamia* // *Terceira margem. Revista da pós-graduação em letras da ufrrj, ano III/3*, 97–103.

Mieroop Marc Van de 2002: *Foreign Contacts and the Rise of an Elite in Early Dynastic Babylonia* // *Leaving No Stones Unturned / E. Ehrenberg* (ed.). Winona Lake, Indiana, 125–137.

Mieroop Marc Van de 2004: *A History of the Ancient Near East*. N.Y. Routledge.

Nissen H.J. 1988: *The Early History of the Ancient Near East*. Chicago.

Nissen H.J. 1993: *Settlement Patterns and Material Culture of the Akkadian Period: Continuity and Discontinuity* // *Akkad...*, 91–106.

Oates J. 1982: *Ubeid Reconsidered* // *Hilly Flanks and Beyond. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia* // *Studies in Ancient Oriental Civilization*. 36. Chicago, 251–281.

Oates 2007 – *Oates J., McMahon A., Karsgaard P., Salam Al Quntar, Jason Ur*. *Early Mesopotamian urbanism. A New View from the North*. *Antiquity* 81. Department of Archaeology, University of York, England, 585–600.

- Powell M.A.* 1996: The Sin of Lugalzagesi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 86. Wien, 307–314.
- Potts D.T.* 1997: Mesopotamian Civilization. The Material Fundamentals. L.
- Renger J.M.* 1995: Institutional, Communal and Individual Ownership or Possession of Arable Land in Ancient Mesopotamia from the End of the Forth to the End of the First Millennium B.C. // Law Review. 71. 5. B., 269–319.
- Steinkeller P.* 1993: Early Political Development in Mesopotamia and the Origin of Sargonic Empire // Akkad..., 107–129.
- Steinkeller P.* 2002: Archaic City Seals and the Question of Early Babylonian Unity // Riches Hidden in Secret Places. Ancient Near Eastern Studies in Memory of Thorkild Jacobsen / Tavi Abush (ed.). Winona Lake, Indiana, 249–257.
- Weeks N.* 1985: The Old Babylonian Amorites: Nomads or Mercenaries? // Orientalia Lovaniensia Periodica. 16. Leuven, 49–57.
- Weiss H.* 1975: Kish, Akkad and Agade // JAOS. 95. 3, 434–453.
- Westenholz A.* 1987–1990: Lugalzagesi // Reallexicon der Assyriologie. 7. B., 155–157.
- Westenholz A.* 1993: The World View of Sargonic Officials. Differences in Mentality Between Sumerians and Akkadians // Akkad..., 157–170.
- Westenholz A.* 1999: The Old Akkadian Period: History and Culture // *Sallaberger W., Westenholz A.* Akkad Zeit und Ur III Zeit. Göttingen. Wetterstrom, 15–120.
- Westenholz J.* 1997: The Legends of the Kings of Akkade. Winona Lake, Eisenbrauns.
- Zarins J.* 1990: Early Pastoral Nomadism and the Settlement of Lower Mesopotamia // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 280. New Haven, 31–65.
- Zettler R.L.* 1998: Early Dynastic Mesopotamia // Treasures from the Royal Tombs of Ur. Philadelphia / R. Zettler, Lee Horne (eds.), 1–9.

INTERACTION OF ETHNIC GROUPS IN THE EARLY HISTORY OF MESOPOTAMIA

N.V. Kozyreva

The author tries to reconstruct the hypothetical model of the long-term processes which were going on in the region of Great Mesopotamia in VI–III millennium BC, when in the course of periodical migrations different cultural entities interacted in economical, ideological and other fields. Recent studies in archaeology and early history of the Ancient Near East led to important corrections of our view of the early history of Mesopotamia and the origin of the Akkadian dynasty.